

Иванов — эпизод 18 из 21

Все это время ты обманывал меня самым наглým образом...

Иванов. Анюта, не говори неправды. Я ошибался, да, но не солгал ни разу в жизни... В этом ты не смеешь попрекнуть меня...

Анна Петровна. Теперь все понятно... Женился ты на мне и думал, что отец и мать простят меня, дадут мне денег... Ты это думал...

Иванов. О, боже мой! Анюта, испытывать так терпение... (Плачет.)

Анна Петровна. Молчи! Когда увидел, что денег нет, повел новую игру...

Теперь я все помню и понимаю. (Плачет.) Ты никогда не любил меня и не был мне верен... Никогда!..

Иванов. Сарра, это ложь!.. Говори, что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

Анна Петровна. Бесчестный, низкий человек... Ты должен Лебедеву, и теперь, чтобы увильнуть от долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как меня. Разве неправда?

Иванов (задыхаясь). Замолчи, ради бога! Я за себя не ручаюсь... Меня душит гнев, и я... я могу оскорбить тебя...

Анна Петровна. Всегда ты нагло обманывал, и не меня одну... Все бесчестные поступки сваливал ты на Боркина, но теперь я знаю чьи они...

Иванов. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня с языка сорвется слово! Меня так и подмывает сказать тебе что-нибудь ужасное, оскорбительное... (Кричит.)

Замолчи, жидовка!..

Анна Петровна. Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...

Иванов. Так ты не замолчишь? (Борется с собою.) Ради бога...

Анна Петровна. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

Иванов. Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...

Анна Петровна (садится, упавшим голосом). Когда он сказал?

Иванов (хватая себя за голову). Как я виноват! Боже, как я виноват! (Рыдает.)

Занавес

Повторим! (лат.).²³Здесь: карман (франц. *emprocher* класть в карман).

Львов (входит, смотрит на часы).

Но что сделать? Объясняться с Лебедевыми напрасный труд. Вызвать на дуэль? Затеять скандал? Боже мой, я волнуюсь, как мальчишка, и совсем потерял способность соображать. Что делать? Дуэль?

и Косых

Косых (входит, радостно Львову). Вчера объявил маленький шлем на трефах, а

взял большой. Только опять этот Барабанов мне всю музыку испортил! Играем. Я говорю: без козырей. Он пас. Два трефы. Он пас. Я два бубны... три трефы... и представьте, можете себе представить: я объявляю шлем, а он не показывает туза. Покажи он, мерзавец, туза, я объявил бы большой шлем на без-козырях...

Львов. Простите, я в карты не играю и потому не сумею разделить вашего восторга. Скоро благословение?

Косых. Должно, скоро. Зюзюшку в чувство приводят. Белугой ревет, приданого жалко.

Львов. А не дочери?

Косых. Приданого. Да и обидно. Женится, значит долга не заплатит. Зятевы векселя не протестуешь.

Бабакина (разодетая, важно проходит через сцену мимо Львова и Косых; последний прыскает в кулак; она оглядывается).

Косых (хохочет). Совсем спятила баба! Пока в сиятельство не лезла была баба, как баба, а теперь приступу нет. (Дразнит.) Мужик!

Львов (волнуясь). Слушайте, скажите мне искренно: какого вы мнения об Иванове?

Косых. Ничего не стоит. Играет как сапожник. В прошлом году, в посту, был такой случай. Садимся мы играть: я, граф, Боркин и он. Я сдаю...

Львов (перебивая). Хороший он человек?

Косых. Он-то? Жох-мужчина! Пройда, сквозь огонь и воду прошел. Он и граф пятак пара. Нюхом чуют, где что плохо лежит. На жидовке нарвался, съел гриб, а теперь к Зюзюшкиным сундукам подбирается. Об заклад бьюсь, будь я трижды анафема, если через год он Зюзюшку по миру не пустит. Он Зюзюшку, а граф Бабакину. Заберут денежки и будут жить-поживать да добра наживать. Доктор, что это вы сегодня такой бледный? На вас лица нет.

Львов. Ничего, это так. Вчера лишнее выпил.

и Саша

Лебедев (входя с Сашей), Здесь поговорим. (Львову и Косых.) Ступайте, зулусы, в залу к барышням. Нам по секрету поговорить нужно.

Косых (проходя мимо Саши, восторженно щелкает пальцами). Картина!

Козырная дама!

Лебедев

и Косых

Слушай внимательно и с должным благоговением. Дело вот в чем: твоя мать приказала мне передать тебе следующее... Понимаешь? Я не от себя буду говорить, а мать приказала.

Саша. Папа, покороче!

Лебедев. Тебе в приданое назначается пятнадцать тысяч рублей серебром.

Вот... Смотри, чтоб потом разговоров не было! Постой, молчи! Это только цветки, а будут еще ягодки. Приданого тебе назначено пятнадцать тысяч, но, принимая во внимание, что Николай Алексеевич должен твоей матери девять тысяч, из твоего приданого делается вычитание... Ну-с, а потом, кроме того... Саша. Для чего ты мне это говоришь?

Лебедев. Мать приказала!

Саша. Оставьте меня в покое! Если бы ты хотя немного уважал меня и себя, то не позволил бы себе говорить со мною таким образом. Не нужно мне вашего приданого! Я не просила и не прошу!

Лебедев. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя две крысы сначала понюхали, а потом уж ушли, а ты, эмансипе, не понюхавши, набросилась.

Саша. Оставьте вы меня в покое, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами.

Лебедев (вспылив). Тьфу! Все вы то сделаете, что я себя ножом пырну или человека зарежу! Та день-деньской рёвма-ревет, зудит, пилит, копейки считает, а эта, умная, гуманная, черт подери, эмансипированная, не может понять родного отца! Я оскорбляю слух! Да ведь прежде чем прийти сюда оскорблять твой слух, меня там (указывает на дверь) на куски резали, четвертовали. Не может она понять! Голову вскружили и с толку сбили... ну вас! (Идет к двери и останавливается.) Не нравится мне, всё мне в вас не нравится!

Саша. Что тебе не нравится?

Лебедев. Всё мне не нравится! Всё!

Саша. Что всё?

Лебедев. Так вот я рассядусь перед тобою и стану рассказывать. Ничего мне не нравится, а на свадьбу твою я и смотреть не хочу! (Подходит к Саше и ласково.) Ты меня извини, Шурочка, может быть, твоя свадьба умная, честная, возвышенная, с принципами, но что-то в ней не то, не то! Не походит она на другие свадьбы. Ты молодая, свежая, чистая, как стеклышко, красивая, а он вдовец, истрепался, обносился. И не понимаю я его, бог с ним. (Целует дочь.) Шурочка, прости, но что-то не совсем чисто. Уж очень много люди говорят.